

Меню Филатов

— Дети знаменитостей обычно говорят, что это большая проблема — носить ту же фамилию, что и великий родитель. Вы с этим сталкивались?

— А как же! Я ж всю жизнь — блатной, всю жизнь меня везде толкали... С одной стороны, это крест, потому что есть в этом унизительный момент. С другой — уже привык. Первые случаи из этой серии были еще в детском саду. Мне дали ручку от детской скакалки и говорили: на, пойд, ар-р-тист! Типа микрофон. И я пел. Мне уже тогда это не нравилось.

— Сегодня в телевизоре вояку "звездит" целая толпа ваших сверстников — детей знаменитостей. Не жалеете, что вы не в этой компании?

— Иногда жалею. Я же вырос в семье артистов, сам готовился стать то музыкантом, то режиссером, то актером. Искоренить это в себе до конца невозможно. И эта тяга периодически возникает. Особенно когда случаются житейские неурядицы. Думаешь: "А, бросить все, уйти, заняться, чем хотел заниматься..." Но это все несерьезно.

— Были поступки, за которые до сих пор стыдно?

— Крупных подлостей, наверное, не было. Я в армии плохо себя вел — допускал дедовщину. Тоже не по-крупному — так, самодурил, но за это я очень каюсь. А до армии... Был один момент, который меня очень сильно подвиг уйти в церковь и бросить ВГИК. Мы делали этюд, и нам нужны были кровати — железные скрипучие кровати. Кто-то сказал, что в интернате есть списанные. Ну, мы пошли и стырили их. А нас заловили. Было так стыдно, что я сказал: попомните мое слово, я уйду отсюда. Если кино делается таким способом, что приходится воровать... Я тогда уже верующим был, ходил в церковь. Но уходил из ВГИКа очень тяжело.

О любви к фамильярности

В этом месте необходимо сделать одно уточнение. Храм, где нынче служит отец Дионисий, находится на видновском городском кладбище. Раньше тут была просто часовня, а теперь — церковь. Со всеми причитающимися атрибутами, только очень скромная: бревенчатые стены, минимум икон и позолоты. Нашу беседу прервало появление похоронной процессии. После небольшой подготовки отец Дионисий приступил к отпеванию. Служба, за которой я наблюдал со стороны, получилась довольно спокойной — без моря слез и причитаний. Так бывает, когда умирает пожилой человек, достаточно, как считается, поживший и много успевший. После службы батюшка предложил продолжить беседу не в церкви, а прогуливаясь на свежем воздухе: надо, мол, чуть-чуть развезаться.

— Отец Дионисий, отпевание — это рутинная работа или некий акт, требующий от священника напряжения духовных сил?

— Конечно, требуется напряжение сил. Но при всем при том это все равно обычная работа. Человек есть человек. Даже на кладбище. Я, например, теперь уже не очень понимаю людей, которые боятся кладбища. Хотя сам недопонимаю тех, кто работает в морге. Но человек ко всему привыкает.

Работа священника — творческая?

— Она творческая в части общения с людьми. Что касается отправления служб, то внешне она совершенно монотонная. Другое дело, что это же не завод, это не болванки. Мы все-таки Господу Богу молимся. А молитва по своей сути никогда не может быть внутренней монотонной. Есть еще момент Устава...

Который ограничивает творчество?

— Давайте договоримся: есть мое личное мнение, а есть общие установки. Я-то как раз считаю, что Устав можно менять. Можно менять какие-то песнопения, добавлять новые. Ведь когда-то церковь была творческим организмом даже в службе. Иоанн Дамаскин, Василий Великий, Иоанн Златоуст придумывали литургии и молитвы. Что-то изменялось, что-то исчезало. А сейчас что-то добавили очень тяжело — надо пройти массу инстанций вплоть до Синода.

— Есть ведь проповеди, когда священник может сказать то, что считает нужным.

— А я, например, проповедовать особенно не умею. Нет такого дара. Я могу наедине поговорить по душам, могу полемизировать.

— У вас есть паства, которая за вами ходит из храма в храм?

— Я бы сказал громкого слова "паства". Потому что где паства, там должен быть и пастырь. А я себя еще не ощущаю в полном смысле пастыря. По разным причинам. Например, потому, что я по натуре инфантилен. У нас в роду по материнской линии Шацких все очень позднего развития. Моя бабуля, когда умирала, никак не могла понять: почему, мол, так плохо себя чувствую, ведь я такая молодая...

А сколько ей было лет?

— Девяносто. Мама тоже позднего развития. Она признается, что только к 30 годам почувствовала, что пришла какая-то зрелость. И я такой же. У меня ощущения лет на двадцать, а дети уже в школу пошли...

— Я не дорос еще до пастырства. Рискую сказать ересь, но это не догматическая ересь. У меня внутренний протест против того, что каждый священник — обязательно пастырь. Нельзя рукоположить пастыря. Им можно стать, если у тебя есть такой дар. Ко мне же приходят люди, которых я называю своими друзьями. Я люблю общение, которое держат себя этикими начальниками.

— Мне казалось, что православный священник обязательно должен быть с бородой...

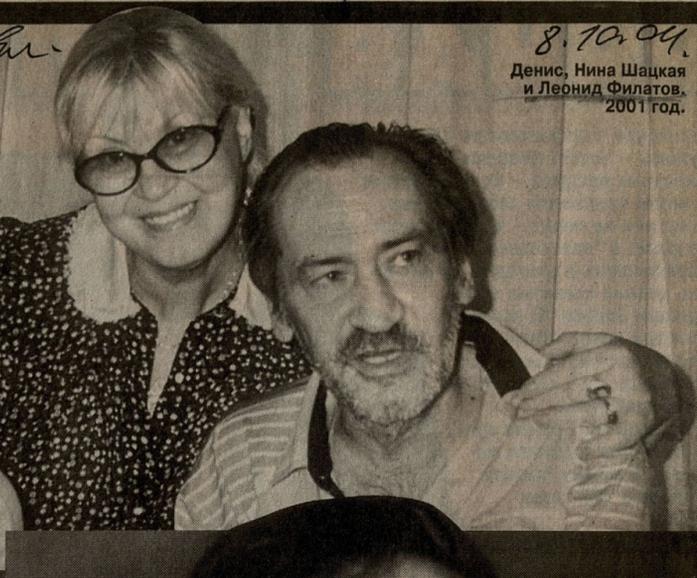
— Да не растет она нормально. Конституция лица такая.

Это допускается?

— Я же ересь! Скажем так: это не то чтобы допускается, это терпится. Я тоже считаю, что священник должен быть с бородой. Не категорично, но желательно. Но не растет — так не растет. Моя жена, к примеру, бородатых мужчин не любит. У меня бы семья разрушилась, если бы я носил бороду. Тем более такую кудую, какая у меня растет. — несколько волосков. (Смеется.)

Об артистах и атенетах

Уже задним числом в моей голове возникли аналогии с "Игрой в бисер". Приглушен-

8.10.04
Денис, Нина Шацкая
и Леонид Филатов.
2001 год.

О РОЛИ РЖАВОЙ КРОВАТИ

ные, но совершенно неотвязные. Иозеф Кнехт, касталиец, как говорится, кровь от крови и плоть от плоти, патриот и апологет фантастической "страны духа", будучи уже магистром, терзается мыслями, как спасти Касталию от будущей гибели, первые знаки которой он угадывает в стабильности, постепенно перерастающей в косность. Сомневающийся, что в подобных категориях мыслит сам отец Дионисий, но его стиль общения, когда глубина знаний и верность догматам сочетаются с легкостью, подкупает. Если обобщить, такой тип священнослужителя может, как представляется, привлечь к церкви новых людей.

— А как вы стали верующим?

— Наверное, я никогда и не был атеистом. Поначалу все шло от общих детских суеверий: вера в сказки, народные обычай... Потом в школе появились ребята, которые носили крестики. Мне тоже захотелось. В 1977 году меня втихари крестили. Не в Москве, а в Сергиевом Посаде, чтобы у родителей не было неприятностей. Я не мог тогда представить, что крестик может носить некрещеный.

— Это, видимо, и правильно?

— Мой отец долгое время носил крест, будучи некрещеным. Он видел в кино, что все с крестами, и как человек, очень тяготеющий к вере, тоже надел. Он просто не знал, что для этого нужно креститься. А потом его спросили: "А ты крещеный?" — "Нет", — "Надо креститься". Он взял и покрестился. Еще в те времена, при коммунистах.

— Он же родом из сибирской глубинки. Как оказался некрещеным?

— Его отец — председатель колхоза, коммунист. Один из инициаторов разрушения храма в собственном селе... Когда дед, Сергей Ларионович, приехал в Москву, как отец рассказывает, и увидел у него на шее крест — он отца чуть не удавил. Уж не знаю, каким образом тот отбылся. Потому что Сергей Ларионович был — ум! — мужик-здоровик.

— А мама верующая?

— Ну как... Верующая. Я это называю интеллигентской верой. У нас в церковь люди когда приходят? Креститься и отвечать...

— А насколько вера распространена в бомонде?

— Артисты, как правило, люди эмоциональные, тонко чувствующие вообще всю жизнь, в т.ч. и моменты религиозные. Поэтому многие из них, даже те, кто не ходит в церковь регулярно, перед спектаклем или после спектакля обязательно заходят в церковь, поставят свечку. Я мало знаю артистов, которые были бы на 100% атеистами. Во всяком случае, среди наших серьезных звезд таких, кажется, нет. А что касается церковности... Можно сказать много "за" и много "против". У нас церковь достаточно архаична. Язык службы многим непонятен. Стоять в церкви длинные службы — тоже не многие выдержат.

— То, что вы говорите, — это не ересь?

— При чем тут ересь? Ересь — это нарушение догматов веры. То, о чем я говорю, — это жизнь.

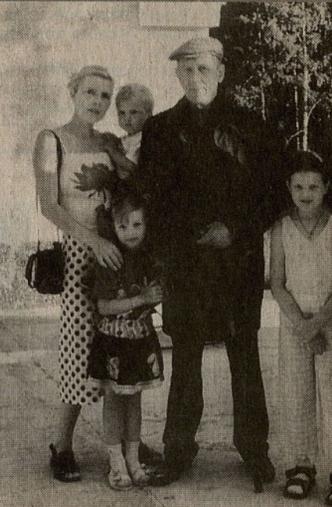
— Мне кажется, большинство священников к вашим словам отнеслось бы критически.

— Я не против, я люблю критику. Особенно если она внятна.

Об умениях бить по лицу

В конце 70-х в Театре на Таганке сложился классический "треугольник". Говорят, о нем судачила вся околотеатральная Москва. Еще бы. Все три вершины любовно-геометрической фигуры уже тогда были звездами первой величины: Валерий Золотухин — Нина Шацкая — Леонид Филатов. Много позже участники той драмы рассказали о всех ее перипетиях публике. Как Шацкая пыталась задать нарождавшееся чувство, целый год не разговаривая с Филатовым. Как затем несколько лет до своего брака оба скрывали свои отношения от коллег и супругов. Как страдал и ревновал Золотухин.

Отец Дионисий на пасхальной службе.

— Ваши родители когда расстались?

— Официально — когда мне было лет 9—10.

— С отцом потом общались свободно?

— Были моменты, насколько я теперь понимаю, когда меня не очень хотели допускать к отцу. Бабуля ревновала, так сказать, за маму. Я-то понимаю всех людей, которые тогда во всем этом участвовали, — бабушку, маму, отца... Потом появился Леня.

— Для вас Леонид Филатов был отцом или, как говорится, стал вторым отцом?

— Практически стал вторым отцом. В моем сознании уложилось неужелимое: я обоим называл отцами. Слово "отчим" мне в принципе не нравилось, и Лене тоже. Но он и вел себя как отец. Он появился как раз в тот момент, когда мне очень необходимо было ежедневно на кого-то опираться. Я ж по жизни-то пенитохом был. А он — парень из Ашхабада — научил меня, как себя вести, научил не бояться человеку врезать по морде. Пардон, по лицу. Ведь страх у людей, подданных мне, бывает не от того, что меня кто-то ударит. Страшно самому кого-то ударить. А вдруг покалечу? Это не страх перед тюрьмой, а внутренние угрызения. Леня мне говорил: ничего, по морде бей. Морда — такая штука: сначала опухнет, а потом пройдет.

— Новые знания часто использовали на практике? Ведь параллельно вы, насколько я понимаю, приобщались к вере.

— Приходилось использовать, чтобы держаться в коллективе.

— А как же "подставь другую щеку"?

— Ну, слушайте... "Подставь щеку" — это заповедь, к этому надо стремиться. Но не у всех это может получиться сразу. Это момент воспитательный и очень сложный. По большому счету, я уверен, что мужчина должен уметь драться. Хотя бы для того, чтобы уметь защитить женщину. Другое дело — как это все применять. Но я, например, не приемлю, когда человек, прикрываясь этой заповедью, просто трусит.

— А отец чему научил?

— Очень многому. Школа отца в корне отличалась от Лениной. Если Леня показывал взглядом, сейчас, сию секунду, то отец всей своей жизнью меня учил. Учил смирению, учил переносить неприятности.

— У вас в детстве были мысленные сравнения: кто более талантлив — Золотухин или Филатов?

— Были. Часто выходило в пользу Лени. Он был тогда на гробу: 79-й год — "Эксплаз", 82-й — "Избранные"... Талантливейший поэт, драматург. Потом появился "Федот-стрелец". Это же о чем-то говорит, если многие люди наизусть шпарят "Федота-стрельца"? Которого, кстати, он посвятил моей маме.

— Но тот же "Этюд о беглой гласной" Золотухина — тоже написан очень талантливо.

— Есть еще такой момент: я же ездил с Леной на концерты, видел, как народ его принимает. Это тоже влияло.

Жену считали колдуньей

В отличие от Иозефа Кнехта, если продолжать достаточно рискованное, согласен, сравнение, карьера отца Дионисия складывалась более чем не гладко. Получив рукоположение в батюшки, он стал настоятелем строящейся церкви в поселке Московский, все в том же Ленинском районе. Но там, по собственному признанию, ударился в поли-

Отец Дионисий (Золотухин):
"Получаю 50 тысяч долларов и ни в чем себе не отказываю"

тиканство: монархист по убеждениям, он в проповедах призывал не только каяться в убийстве царской семьи, но и восстанавливать монархию. Ведь царь, как известно, помазанник Божий. За эти речи и за то, что не проявил себя в должной степени "крепким хозяйственником" при строительстве храма, отца Дионисия лишили прихода.

Потом он "ушел в раскол" — в Зарубежную русскую православную церковь. "Храмом" служила обыкновенная жилая квартира на Китай-городе. Перед возвращением в лоно РПЦ он почти год был на поканиях — работал в Свято-Екатерининском монастыре, исполняя функции разнорабочего и получаая, соответственно, копейки. Для семьи, в которой было уже три дочки, это стало серьезным испытанием. По сло-

...Прощу прощения, я тут всегда нарушаю. Потому что здесь гаишники никогда не стоят. (Этими словами отец Дионисий сопроводил неожиданный маневр, при котором машина пересекла сплошную линию.)

— Священников гаишники тоже не жалуют?

— Я не говорю о своей работе: не люблю спекулировать. Ну хорошо, я еду отвечать. А у других что, дел нет? Я бедный — а другие что, богатые? У меня хоть машина есть, мне ее мама подарила. А у других и машин нет. И мамы нет, которая может подарить машину...

— Если уж совсем честно, то в прошлый раз я попытался сказать, что я священник, то да се. Но это мне помогло только на 50 рублей. Хотели взять 100, но взяли 50. Он мог бы и отпустить, но поскольку начал уже квитанцию заполнять, взял с меня полтинник.

— А сыграть на имени отца?

— Никогда. Хотя отец мне говорит: почему нет? Он же почетный милиционер. За роль в "Хозяине тайги".

— Свое будущее связываете с церковью?

— Сложно сказать. У меня неважные отношения с начальством, которое не любит, к слову сказать, когда я даю интервью. Я считаю, что имею право как свободный человек давать интервью. При этом я выступаю как частное лицо. А они говорят: раз ты священник, ты говоришь от лица церкви. Я не согласен с этой позицией. Так что мое положение очень неустойчивое, и я это понимаю. Не запретили меня, терпят — слава Богу. У меня хватает мозгов понимать, насколько меня сложно терпеть. За это нашим властям могу публично выразить благодарность.

— В мире — такое ощущение — как никогда высок уровень ненависти. Что с этим делать? Может, у церкви есть какие-то рецепты борьбы с терроризмом?

— Я читал Коран, хадисы, другие книги. В культурном плане я ислам очень уважаю. Восхищаюсь многими исламскими деятелями, начиная с первых халифов. Если бы они были христианами, их бы, совершенно очевидно, прославили бы в лики святых. Но есть момент статистический: кто террорист? кого все боится? Мусульмане. Рецепты... Есть один универсальный рецепт: надо больше узнавать друг о друге. Любовь побеждает рознь.

Сергей ФЕКЛЮНИН, Ленинский р-н.

вам отца Дионисия, "ячейка общества" находилась на грани распада.

— Как вы познакомились с будущей женой?

— Я почему-то знал, что женюсь, когда в семинарию поступил. И точно: поступил, а на третий день сделал предложение. А первый раз увидел ее, когда еще был абитуриентом. Я сидел в столовой среди других новичков, а она откуда-то вышла с подносом. Я сказал себе: вот моя жена.

— Так разве бывает?

— Может, и не бывает, но у меня было. Она работала там официанткой. То были голодные годы — начало 90-х, — и старшая сестра, которая тоже работала в семинарской столовой, пристроила ее, чтобы с голоду не умерла.

— Она верующая была?

— Конечно. Чуть ли не каждый месяц ездила в Москву, академики читала перед Троицкой церковью, чтобы выйти замуж за высокого, безбородого и не попа. Вот — пожалуйста: высокий, безбородый и... не похож на попу.

— Она быстро согласилась после вашего предложения?

— Через пять минут.

— А когда было венчание?

— С этим возникли сложности. У меня ощущение, что у начальства были виды на меня как на монаха. А я монахом становиться не хотел. Потому что ощущая в себе тяготение к карьере. Вообще-то я по натуре страшный карьерист. Кто бы знал... Развяжи мне руки моя собственная совесть — я бы, наверное, в Патриархию рвался. Но поскольку стремление к карьере — момент греховный, то я всячески в себе эти идеи души. Поэтому и в монахи не хотел. Чувствовал, что стал бы использовать свое монашество для карьеры.

Как бы то ни было, в конце сентября она дала согласие, а 8 ноября нас повенчали.

— Быстро.

— А для нас это была пытка. Там же все думали, что ее под меня "подложили": такая-сякая округила "сыночка". А она даже не знала, кто такой Золотухин. В лицо-то, конечно, отца знала, а по фамилии — нет.

— Вы же, кстати, похожи, если присмотреться. Только отец худощавый...

— Надо сказать, что отцу это дается с большим трудом — он почти ничего не ест. А я не могу.

— Ну и как складывается семейная жизнь после такой блиц-женитьбы?

— 11 лет живем. Самое печальное, что не сложились отношения супруги с моей бабулей. В семинарии все говорили, что Алла — колдунья. Высокое семинарское начальство и меня отговаривало, и домой звонило родичам. Это моя-то Аллочка — колдунья! (Показывает фотографию.) Уму непостижимо! Но потом бабуля чуть что причитала: меня же предупредили!..

— Вы жили вместе с бабушкой? А родители?

— В 1991 году Леня получил квартиру, и они через несколько дней после пучка переехали. Мама тоже сначала меня учила уму-разуму: эти лимитчики, им лишь бы московскую прописку получить... Но это был очень короткий период. Потом она Аллу оценила. Сейчас у нас уже 5 детей — 3 девочки и 2 мальчика.

— Главе семьи удается обеспечить такое немаленькое семейство?

— По сравнению, например, с тещем, получающим 500 рублей, священники и дьяконы получают нормальную зарплату.

— А сумма прописью — тайна?

— Это не тайна. Это момент, который мне не хотелось бы освещать в плане личной унизительности. (Смеется.) Лучше я скажу так: я получаю 50 тысяч баксов. И веду себя соответственно — ни в чем себе не отказываю. Люблю прокатиться на яхте, сходить в горы, попутешествовать по миру. Именно по Миру, а не по миру.

О святых и убийцах

Окончание беседы происходит уже в машине. Отец Дионисий, закончивший на сегодня свою службу и отправившийся домой, на Рогожскую Заставу, вызвался подбросить меня на своей "пятерке" до удобной станции метро. Сняв рясю и сев за руль, он окончательно утратил внешнее сходство со священником из наших стереотипных представлений.

— Что в работе священнослужителя самое тяжелое?

— Общение со священноначалием. Где иерархия, там всегда сложности.

— А исповедовать убийц приходилось?

— Нет. Я бы и не стал. Я бы мог попытаться исповедать убийцу, который глубоко в этом раскался. Покаяние — это огромный внутренний труд, это исправление жизни. А если ко мне просто пришел бы человек: "Батюшка, я убивал, мне пришлось", — я бы сказал: "Друг мой, я не настолько опытен и духовен, чтобы вот так взять и отпустить. Есть более старшие отцы, более опытные".

...Прощу прощения, я тут всегда нарушаю. Потому что здесь гаишники никогда не стоят. (Этими словами отец Дионисий сопроводил неожиданный маневр, при котором машина пересекла сплошную линию.)

— Священников гаишники тоже не жалуют?

— Я не говорю о своей работе: не люблю спекулировать. Ну хорошо, я еду отвечать. А у других что, дел нет? Я бедный — а другие что, богатые? У меня хоть машина есть, мне ее мама подарила. А у других и машин нет. И мамы нет, которая может подарить машину...

— Если уж совсем честно, то в прошлый раз я попытался сказать, что я священник, то да се. Но это мне помогло только на 50 рублей. Хотели взять 100, но взяли 50. Он мог бы и отпустить, но поскольку начал уже квитанцию заполнять, взял с меня полтинник.

— А сыграть на имени отца?

— Никогда. Хотя отец мне говорит: почему нет? Он же почетный милиционер. За роль в "Хозяине тайги".

— Свое будущее связываете с церковью?

— Сложно сказать. У меня неважные отношения с начальством, которое не любит, к слову сказать, когда я даю интервью. Я считаю, что имею право как свободный человек давать интервью. При этом я выступаю как частное лицо. А они говорят: раз ты священник, ты говоришь от лица церкви. Я не согласен с этой позицией. Так что мое положение очень неустойчивое, и я это понимаю. Не запретили меня, терпят — слава Богу. У меня хватает мозгов понимать, насколько меня сложно терпеть. За это нашим властям могу публично выразить благодарность.

— В мире — такое ощущение — как никогда высок уровень ненависти. Что с этим делать? Может, у церкви есть какие-то рецепты борьбы с терроризмом?

— Я читал Коран, хадисы, другие книги. В культурном плане я ислам очень уважаю. Восхищаюсь многими исламскими деятелями, начиная с первых халифов. Если бы они были христианами, их бы, совершенно очевидно, прославили бы в лики святых. Но есть момент статистический: кто террорист? кого все боится? Мусульмане. Рецепты... Есть один универсальный рецепт: надо больше узнавать друг о друге. Любовь побеждает рознь.

Сергей ФЕКЛЮНИН, Ленинский р-н.

С женой, отцом и детьми.
Барнаул.
2004 год.

